

Георгий Суворов

СЛОВО СОЛДАТА

Ленинград, 1954

Георгий Суворов

СЛОВО СОЛДАТА

стихотворения

*Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство*

1954

Георгий Суворов

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

У него было открытое, мужественное лицо, чуть прищуренные веселые глаза с огоньком, маленькие усики, крепкий фронтовой загар. Он был молод и пришел на Неву из далекой Хакассии, с берегов голубого Абакана. Движения его были уверенные и ловкие, он казался отлитым из красноватого металла, такая закалка чувствовалась в сильных руках и широких плечах. Он обладал сильной волей и открытой душой. Когда осколок вражеской мины под Ельней вонзился ему в грудь, он сам вырвал его, стиснув зубы, чтобы не застонать.

Он любил свой далекий сибирский край, любил рассказывать про кедровые леса, про скалы над быстрой рекой, про охотничьи тропы, про охотников и золотоискателей. Он никогда не видел Ленинграда. Война привела его в окопы под городом, о котором он знал только из книг, из стихов. Стихи он любил до страсти. Его полевая сумка была переполнена стихами. В разрывах снарядов, в дымных ленинградских ночах, в непрерывных фронтовых перестрелках и схватках искал он поэтическое слово.

Он писал о чайке, которая кружилась среди боя, и борьба птицы, вырывавшейся из смертельного кольца разрывов, напоминала ему о собственной молодости, которую он хотел честно пронести к победе.

Он писал о своих командирах славной гвардейской дивизии, о боевых товарищах. Ему жадно хотелось сказать обо всем сразу, и он говорил поспешно, торопясь, как будто чувствовал, что не много времени ему отпущено. «Из боя в бой, из боя в бой» переходил он, идя к тому последнему рубежу, который оказался для него смертельным.

Он писал стихи в блиндажах, в окопах, перед атакой, на отдыхе под соснами, расщепленными осколками бомб и снарядов. У него не было времени отделять стихи, не было времени думать об отвлеченных темах. Он писал свои строки, как дневник о непрерывной борьбе с врагом, писал с предельным волнением патриота, настоящего сына замечательной Родины, с упорством молодого большевика, с жаром подлинного энтузиаста.

Он влюбился в Ленинград горячей юношеской любовью. Он обходил его улицы и сады в редкие дни отпуска, и столько хорошего было в этом юном сибиряке, столько пылкости и нерастратченных сил!

Он увидел счастье победы. Он гнал врагов от Ленинграда, и смерть остановила его только на далекой Нарове.

В его неокрепших, сырых, вспененных строках жил настоящий талант. Я никогда не забуду редких вечеров, когда в полутемной кухне собирались у меня фронтовики-поэты и мы читали стихи и говорили о том времени, когда всё кончится нашей победой и как тогда будет славно писать воспоминания о великих днях, мечтали, как снова сойдемся тесной семьей, молодые и старые поэты.

Потом Георгий Суворов снова уходил на передовую в темный предрассветный час. Таким я видел его последний раз, когда часть, в которой он служил, перебрасывали на новое направление, перед началом решаю-

шего сражения за Ленинград. Суворов хотел, чтобы его книга стихов была названа «Слово солдата». Так она и называется, только он ее не видел. Так хотел он назвать ее потому, что был настоящим солдатом. Он был командиром взвода. Ему хотелось самого опасного и трудного, потому что он не боялся опасностей и смело смотрел в лицо смерти. Он участвовал во множестве боев, и в душе у него жило ощущение близкой победы. Он писал:

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день, — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел,
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а всё-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.

Такой он был! Мы сохраним его стихи, как память об ушедшем от нас молодом нашем друге, славном воине и человеке. В нем погиб многообещавший поэт, рожденный в огне великого испытания и выдержавший это испытание с честью!

Николай Тихонов

ПОЭТ-ВОИН

13 февраля 1944 года на переправе через Нарову погиб поэт, гвардии лейтенант, командир взвода противотанковых ружей, Георгий Суворов.

Ему было всего двадцать пять лет.

Боевые друзья поэта нашли в его походной сумке несколько потрепанных блокнотов, исписанных стихами.

Георгий Суворов так и не увидел своей первой книги. Она вышла после его гибели.

Суворов ушел на фронт, как и большинство его сверстников, в расцвете молодости, не окончив института, не определив своего призвания. Он ушел воевать за Родину, твердо зная, что без нее нет жизни, нет поэзии, и воевал с бесстрашием сибиряка, молчаливо и убежденно.

Сначала он был в Панфиловской дивизии. В бою под Ельней был ранен.

После госпиталя Суворов оказался на Ленинградском фронте.

Почти во всех самых сложных и трудных операциях, куда направлялись части Ленинградской гвардии, был и лихой командир Георгий Суворов.

По выправке, по подтянутости в нем сразу можно было определить гвардейца.

В перерывах между боями, на редких привалах, в блиндажах и землянках, он писал стихи. Вернее, он делал записи в стихах — о своих чувствах, о своих друзьях, о только что пережитом и виденном.

Он писал:

Хоть день один, хоть миг один
Средь этих тягостных годин —
Мы будем петь и счастье славить!
Идя дорогами войны,
Мы встретим светлый день весны
В его серебряной оправе.

Чтоб мы смеялись в этот час, —
Там, ночи не смыкая глаз,
Бойцы лежат у пулеметов...
Чтоб мы играли в этот миг, —
Боец встает. Огонь. И, тих,
Он падает у вражьих дотов.

Он был человеком широкой, общительной души, поэтому среди его стихотворных записей так много посвящений и дружеских посланий боевым товарищам по оружию.

Суворов любил Ленинград — город мужества и стойкости. Он воевал за этот город самозабвенно. Во время случайных отпусков он долго ходил по его улицам, мимо разбитых домов и вделанных в стены амбразур. Он интересовался живописью, театром, музыкой, а больше всего — поэзией. Поэзия была его призванием. Он сам это почувствовал и определил на войне. Он мог часами разговаривать о стихах. Он любил краски и чувствовал мир как истинный художник. Самое последнее

По выправке, по подтянутости в нем сразу можно было определить гвардейца.

В перерывах между боями, на редких привалах, в блиндажах и землянках, он писал стихи. Вернее, он делал записи в стихах — о своих чувствах, о своих друзьях, о только что пережитом и виденном.

Он писал:

Хоть день один, хоть миг один
Средь этих тягостных годин —
Мы будем петь и счастье славить!
Идя дорогами войны,
Мы встретим светлый день весны
В его серебряной оправе.

Чтоб мы смеялись в этот час, —
Там, ночи не смыкая глаз,
Бойцы лежат у пулеметов...
Чтоб мы играли в этот миг, —
Боец встает. Огонь. И, тих,
Он падает у вражьих дотов.

Он был человеком широкой, общительной души, поэтому среди его стихотворных записей так много посвящений и дружеских посланий боевым товарищам по оружию.

Суворов любил Ленинград — город мужества и стойкости. Он воевал за этот город самоотверженно. Во время случайных отпусков он долго ходил по его улицам, мимо разбитых домов и вделанных в стены амбразур. Он интересовался живописью, театром, музыкой, а больше всего — поэзией. Поэзия была его призванием. Он сам это почувствовал и определил на войне. Он мог часами разговаривать о стихах. Он любил краски и чувствовал мир как истинный художник. Самое последнее

стихотворение, написанное Суворовым уже после разгрома фашистских полчищ под Ленинградом, заканчивалось так:

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней, —
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей.

Жизнь поэта, воина, патриота безвременно оборвалась. Но стихи его будут долго жить в благодарных сердцах советских читателей.

Михаил Дудин

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Тихонов. Георгий Суворов</i>	3
<i>М. Дудин. Поэт-воин</i>	6
Среди этих нив я собирал слова	9
Вперед, на Запад!	10
Тропа войны	11
Хоть день один, хоть миг один	13
Чайка	15
В моем вине лучистый белый лед	16
Здесь, где убита в человеке боль	17
Пришел и рухнул, словно камень	18
Пусть прошлый год злых непогод	19
Офицерскому собранию	20
Есть в русском офицере обаянье	21
Сочилась кровь, и свет бежал из глаз	22
Вот уж поистине солдат	24
Красноармеец бьется так	25
Над лесом взмыла красная ракета	26
Мы вышли из большого боя	28
Хотя бы минуту на роздых	29
Нет! не побед последних шум	30
Встанем и погреем руки	31
Я славлю вас, героиня!	32
Метет, метет... И нет конца метели	33
Цветы, цветы... Как много их	34

Невская баллада	35
Сибиряк на Неве	44
Теткин ручей	51
Брусника	54
Пламени и стали гулкий вал	55
Коротка. Короче мига	56
Мы тоскуем и скорбим	57
Леса и степи. Степи и леса	58
Когда-нибудь, уйдя в ночное	59
Еще утрами черный дым клубится	60

Редактор М. А. Дудин
Художник Н. П. Кузнецов
Художник-редактор Б. Ф. Семенов
Технический редактор Н. И. Родченко
Корректор Р. Ю. Хесина

Подписано к печати 16 IV 1954 г. М-32303. Изд. № ХС 2/324.
Формат бум. 70×92¹/₁₂. Бум. л. 1. Печ. л. 4.
Уч.-изд. л. 1,8. Тираж 10 000 экз. Заказ № 245.
Цена 1 р. 95 к.

Типография им. Влодарского
Ленинград, Фонтанка, 57

1р. 95к.

0 20